L
3
482
1895

2007044100

С. А. ГРИНЁВЪ.

БЫЛА-ЛИ КОННИЦА У ДРЕВНИХЪ РУССОВЪ?

КІЕВЪ.
Типографія И. Крыжановскаго и В. Авдюшенко. Соф., № 2.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 Октября 1894 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

офицерамъ доблестной русской кавалеріи.

БЫЛА-ЛИ

КОННИЦА У ДРЕВНИХЪ

РУССОВЪ?

Всѣ военные историографы, не исключая и современныхъ, категорически утверждаютъ, что всѣ славянскія племена были весьма мало искусны въ конной службѣ и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ Русскіе, даже въ концѣ X столѣтія, были плохими кавалеристами. [1])

Это мнѣніе укоренилось главнымъ образомъ вслѣдствіе показаній византійскихъ лѣтописцевъ и главнымъ образомъ: Прокопія Кесарійскаго, Императора Маврикія и Льва Діакона. Послѣдній, описывая бой подъ Доростоломъ, говоритъ: «Скиѳы, которыхъ мы обыкновенно называемъ Руссами, вышли на коняхъ изъ городскихъ воротъ и тогда наши ихъ увидѣли въ первый разъ сидѣвшими на коняхъ. Они прежде всегда сражались пѣшіе и никогда не употребляли конницы въ бояхъ. [2])

---

[1]) см. Полковника А. Пузыревскаго.—«Истор. Воен. Искусства въ средніе вѣка» I, гл. 2, стр. 57 и Генералъ-Лейтенанта Князя Н. Голицына «Всеобщ. воен. исторія среднихъ временъ» II §§ 51 и 55, стр. 118 и 137.

[2]) см. Левъ Дьяконъ IV стр. 61—63.

Но вѣрны-ли эти показанія? Нѣтъ-ли другихъ источниковъ, которые противорѣчатъ имъ?

Мы были всегда того мнѣнія, что Славяне, обитавшіе на безконечно обширныхъ равнинахъ восточной Европы, будучи въ древнюю эпоху народомъ по преимуществу кочевымъ, непремѣнно, если не всѣ, то большая часть ихъ племенъ, должны были быть конниками. Гиббонъ прямо обращаетъ вниманіе, какъ на характеристическія особенности народовъ германскаго и славяно-сарматскаго, что у первыхъ военныя силы состояли большею частью изъ пѣхоты, а у вторыхъ изъ кавалеріи. [3])

Затѣмъ мы знаемъ, что Скиѳы, о которыхъ упоминаетъ еще и Геродотъ, были родоначальниками Славянъ. До изслѣдованій Укерта, Надеждина, Бергмана, Лиденера, Цейса, Куна, Григорьева, Шифнера, Мюлленгофа и другихъ, Скиѳовъ причисляли къ Монголамъ, но теперь это мнѣніе вполнѣ опровергнуто. Они составляли вѣтвь Арійской семьи и къ Скиѳамъ, обитавшимъ восточную Европу, принадлежатъ всѣ народы Славяно-Литовскія; къ Царскимъ же Скиѳамъ, жившимъ на пространствѣ отъ Таврическихъ горъ, вдоль береговъ Меотиды до рѣки Танаиса, относятся преимущественно южно-славянскія племена.

Скиѳы же, какъ извѣстно, были лихими наѣздниками, якобы сросшимися съ лошадью. [4]) Въ наѣздничествѣ ихъ долго никто не могъ превзойти и они считались среди Грековъ, Персовъ, Египтянъ и т. д. первымъ на-

[3]) см. Гиббонъ I. 326.

[4]) см. Herodotus. IV, 81.

родомъ, начавшимъ верховую ѣзду. Такая племенная способность не могла не перейти на ихъ потомство Славянъ и преимущественно на тѣхъ, которые все еще оставались на равнинахъ близь Днѣпра, Дона и Азовскаго моря. А здѣсь мы встрѣчаемъ впослѣдствіи *Аланъ* и соплеменныхъ имъ *Роксаланъ* (Роксовъ, Рокоссовъ, Россовъ). Уже въ первомъ вѣкѣ Страбонъ и Тацитъ упоминаютъ объ этомъ воинственномъ племени Сарматъ-Славянъ.

Страбонъ говоритъ: «Роксалане, *лихіе наѣздники*, жили между Танаисомъ и Бористеномъ (между Дономъ и Днѣпромъ). Лѣтомъ кочевали на равнинахъ, а зимой приближались къ болотистымъ берегамъ Меотиды (Азовскаго моря)» [5])

Тацитъ пишетъ: «Сарматское племя Роксалане въ 69 году вторглось въ римскую Мизію, но потерпѣло отъ римскихъ легіоновъ полное пораженіе.» [6])

Во второмъ вѣкѣ имя Роксаланъ встрѣчается у Спартіана и Капитолина. Въ третьемъ—у Требеллія Поліона, въ четвертомъ—у Амміана Марцеллина. Замѣтимъ, что Амміанъ къ Аланамъ причислялъ и Невровъ, Будиновъ, Гелоновъ, Agathyrsi и Меланхленовъ, т. е. *Норовянъ, Бужанъ, Галичанъ, Казаръ и Могилянъ Днѣпровскихъ.* Это ясно свидѣтельствуетъ, что и Роксалане—Россы были Славянами, впослѣдствіи выступившими въ исторіи подъ именемъ *Русь.*

---

[5]) см. Strabo. Lib. II и VII.

[6]) см. Tacit. Hist. Lib. I.

Роксалане же были лихими наѣздниками и неустрашимыми мореходцами. Эти два качества привели въ смущеніе г. А. Куника и поэтому онъ никакъ не хотѣлъ признать ихъ за Русь и Славянъ. Достопочтенный ученый никакъ не могъ сопоставить лихого степняка, наѣздника съ мореплавателемъ.[7]) Между тѣмъ мы знаемъ, что Туркменны—степной, наѣздничій народъ, имѣли на Каспійскомъ морѣ своихъ пиратовъ и наконецъ, Казаки XVI и XVII вѣковъ одновременно были и конницей, и пиратами, и пѣхотой, а они, кажется, принадлежали къ славяно-русскому племени.

И такъ, *Роксы, Россы,* или *Руссы,* обитавшіе съ самаго отдаленнаго времени по побережью Меотическаго озера, были издревле *спеціально военно-конным сословіем* Славянъ, знаменовавшимъ и посвящавшимъ себя на службу *обрученіемъ* подобно римскому—ordo equester—*урядъ конный.* Древніе же историки и географы, благодаря многоразличнымъ прозвищамъ этого войскового сословія, обращали его въ разныхъ народовъ и, смотря потому, какое прозвище было господствующимъ въ то время, тѣмъ и называли его.

Такъ по обряду *пострига* и призванію (vocatio), они назывались *Косарами,* по Іорнанду—Agazzires, по Амміану—Agathyrsi; Chazares, Kosar, Kosak, Kozak и т. д. Отсюда вѣроятно Хозаръ—гусаръ и Kozak—казакъ, т. е. *Косоносными,* носящими чупъ. Замѣтимъ, что Запорожцы носили чупъ еще во времена императора Павла I.

---

[7]) см. Куникъ. «Die Berufung der Schwedischen Rodsen.»

Наконецъ, еще теперь можно найти въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ стариковъ малороссовъ, носящихъ чупъ—*оселедецъ*.

По *сиромаству*, или обѣту безженства, Руссовъ называли *Сарматами*. Въ казачествѣ до сихъ поръ сохранилось слово *сирома* (сироматокъ, сироматство), въ значеніи воиновъ, юнаковъ, безженныхъ по обѣту, бездомныхъ, безсемейныхъ.

По поселенію на *Крайнахъ* Руси, они носили названіе *украйнцевъ*. Іорнандъ, изчисляя украйнскіе народы, оставшіеся во власти Данко, сына Аттилы, называетъ: «Ulzingures, Angiscires, Bittugores et Bardores.» Откинувъ придаточное Готское окончаніе на «г», эти названія должно читать: Ulzingi, Angisci, Bittugi, Bardi, въ которыхъ не трудно уже узнать: Волынца, Ясича, Битюга и Брдовца, или Бродника.

Наконецъ, *по свободному состоянію* они назывались *вольницей* (Wolani, Vulanes, Gelanos, Wilzi). Отсюда вѣроятно и названіе *Аланы* (Alanes, Alaunes). Классенъ впрочемъ говоритъ, что *алань* значитъ *низменное мѣсто*, удобное для пастбища и покоса, т. е. лугъ.[8]) Это впрочемъ нисколько не измѣняетъ сути. «Вольная Русь» могла одновременно называться и «Лугарями,» населяя низменныя мѣста. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы знаемъ славянское племя *Геруловъ, Эруловъ* (Ἔρουλοι, Ἔλουροι).

---

[8]) см. Классенъ. «Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи Славянъ» I стр. 16.

По историку Алабію Герулы получили свое названіе отъ Греческаго слова Ἕλος, Ἵλος—болото, илъ (лугъ), такъ какъ первоначально населяли болотистые луга близъ Азовскаго моря, т. е. тамъ, гдѣ мы видѣли Аланъ и Роксалановъ. Впослѣдствіи, при переселеніи всѣхъ славянскихъ племенъ къ сѣверу, Герулы—Лугане поселились тамъ, гдѣ теперь Польша[9]) и съ теченіемъ времени, послѣ переселенія ихъ въ Германію, остатки ихъ назвались тутъ *Полянами*, а еще позднѣе—*Поляками*, которые такъ-же, какъ и ихъ родоначальники Герулы—Лугари отличались своимъ наѣздничествомъ и своей конницею. Іорнандъ, говоря о Герулахъ, прибавляетъ: «Не было народа, который въ числѣ войскъ своихъ не озаботился-бы имѣть этихъ легкоконныхъ всадниковъ.» [10])

Слѣдовательно *Герулъ* тоже, что *Аланъ*, или *волный Руссъ—Лугарь*.

Кромѣ Геруловъ, прославившихся своею конницею, были и другіе Лугари. Такъ прозвище *Ляго-Бpдовскій*, которое впослѣдствіи обратили въ *Longobardi* и присвоили народу, якобы германскаго происхожденія, говоря, что это названіе произошло отъ *Lange-Barden*, т. е. длинныя копья, принадлежало просто славянскому конному войску Лугарей, занимавшему пограничный, крайній *лугъ*, или по древнему произношенію *лѫгъ*, который по городу, или вѣчу назывался *Бpдо* (Bardovicus, Bardorumvicus), отсюда и Bardores Іорнанда, т. е. Бродники, подвластные Дан-

---

[9]) см. Смирновъ. «Паденіе Остготскаго государства» I стр. 20.

[10]) см. Іорнандъ. «De rebus geticis».

ко. Мы того мнѣнія, что и *Задонская вольница*, родоначальники донскихъ казаковъ, появляющаяся въ нашей исторіи въ 1147 году подъ названіемъ *Бродниковъ*, была ничѣмъ инымъ, какъ остатками Bardores, или Ляго-Бардовъ, часть которыхъ переселилась еще раньше въ Германію и Италію, гдѣ и натурализировались въ Лангобардовъ.

По названію другихъ станицъ были Лугане: *Дечанскіе* (Λογγοι Δεδουνοι), *Баровскіе* (Λοῦτοι οἱ Βοῦροι), *Гоманскіе, или Уманскіе* (Λοῦτοι οἱ Ομανοι) и т. д.

Σούιβοι Λογγο Βαρδοι, т. е. Славяне Ляго-Бардскіе, какъ пограничное войско, составляли безъ всякаго сомнѣнія *передные полки*, выходившіе на стражу въ *Брдо* (бортъ, границу) изъ всѣхъ прочихъ станицъ «Великаго Луга.»[11])

Въ первыхъ вѣкахъ нашей эры лѣтописцы подраздѣляютъ Русь—на Великую Русь (Vilkinaland, Vilzenland.), Русь Холмоградскую (Ulmegard, Holmgard, или Ulme Rugia) и Русь Кыянскую, или Кіевскую (Kuenaland, Kunaland, Chunaland, Hunnaland). Послѣдняя уже въ III вѣкѣ дѣлается первенствующей надъ всею остальною Русью. Кыянскій Князь Гано, или Іано (Янъ, Іоанъ), около 220 г., во время возстанія противъ Готтовъ, стоитъ во главѣ 170, а по другимъ показаніямъ даже и во главѣ 200 русскихъ князей. Съ этого момента Русь появляется въ исторіи подъ общимъ именемъ Квенновъ, Куновъ, или *Гунновъ*. Это крайне важный для насъ фактъ, такъ какъ

[11]) см. Вельтманъ «Русь IV и V вѣка.» Гл. II стр. 82.

Гунны прославились своею конницею на весь образованный міръ того времени.

Замѣтимъ, что имя Квеновъ, Кыянъ, или Гунновъ замѣняло названіе Русь не по одному только первенству, но и потому, что слово *Русь* для иноземцевъ казалось неопредѣленнымъ; въ Славянскомъ мірѣ оно съ теченіемъ времени означало и царство, и царскую дружину и было частнымъ и общимъ прозвищемъ войскового сословія. Не проникая въ смыслъ, не зная подраздѣленій по нарѣчіямъ, чуждое русскому міру понятіе терялось въ этомъ названіи точно такъ-же, какъ и въ названіи *Славяне*, которое было и общимъ всѣмъ племенамъ и частнымъ по родоначалію.

По нѣкоторымъ лѣтописямъ мы впрочемъ видимъ, что и тогда Гунновъ признавали за Руссовъ. Такъ Олай Верелій въ примѣчаніяхъ къ «Hervarar Saga» пишетъ: «Въ «Vilkina Saga» Россія часто называется страною Гунновъ. Наши также издавна называютъ ее Гунегардъ» [12])

Шафарикъ, изысканія котораго доставили массу драгоцѣннаго матеріала для объясненія славянскаго міра и особенно періода среднихъ временъ, не затрагивая мнѣній западныхъ ученыхъ на счетъ Свевовъ, не колеблясь призналъ Гунновъ Славянами: «Византійскіе писатели Θеофанъ и Кедренъ именемъ Οὖννοι называютъ Славянъ; западные писатели и особенно «Beda Venerabilis» (лѣт. VII и VIII вѣка) Гуннами называютъ Славянъ; въ Герман-

[12]) см. Olai Verelii. «Hervarar—Saga» Upsalae. 1671 г.

скихъ народныхъ сказаніяхъ подъ именемъ «Hunі» разумѣются Славяне; въ сѣверныхъ квидахъ гуннскіе богатыри Iarisleifr — Ярославъ и Iarizcar — Ярожиръ и пр. обличаютъ въ себѣ Славянъ».

Кромѣ этого Гельмольдъ столицу Гунновъ называетъ «Chue», поэтому поводу Хагенъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ изданію «Пѣсни о Нибелунгахъ» — говоритъ: «Норманны называли Кіевъ, Chue столицу Chuenigard, т. е. Россіи (по сѣвернымъ сагамъ Kiaenuborg въ Kaenuland) также *Самбатасъ*, т. е. сборное мѣсто кораблей на Днѣпрѣ.»

Изъ этого слѣдуетъ самое простое заключеніе, что древніе Коуеве или Кыяне изъ народныхъ сказаній поступили въ исторію подъ именами: Kwäne, Quene, Choani, Chuni, Cunni и наконецъ Huni; а область Кыянъ, Кыянская или Кіевская Русь приняла названіе Kuenaland, Konaland, Kunaland, Hunaland; а градъ Кіевъ сообразно этому: Kianugard, Konagard, Hunagard.

Гунны значитъ были не только Славянами и ихъ военно-конпымъ сословіемъ — Русью, но и Кіевлянами. Наибольшаго могущества и славы Кыянская — русская конница достигла въ царствованіе Яровита (412—438) и въ особенности Аттиллы Мечеславича [13]), принявшаго державу надъ всею Русью съ 438 по 454 годъ. Подъ лич-

---

[13]) Имя *Аттилло* соотвѣтствуетъ Литовскому *Ягелло*. Тоже самое нужно сказать и объ его отчествѣ; по Приску — Μουνδιουχος, по Іорнанду — Mundzucco или Manzuchius, что соотвѣтствовало Литовскому *Миндовгъ* и русскому *Мечеславъ*.

нымъ начальствомъ этого мудраго и энергичнаго правителя, русская конница разбила въ прахъ соединенныя силы Римлянъ и Визиготовъ на поляхъ Каталаунскихъ и, прорубивъ Альпы, нахлынула на Roma invicta, Roma aeterna, заставивъ этимъ явиться на поклонъ къ русскому великому князю самаго папу Льва, въ полномъ облаченіи апостольскаго намѣстника, котораго сопровождало все духовенство Рима и посольство императора Валентиніана.

Не можетъ быть сомнѣнія, что и въ слѣдующіе затѣмъ вѣка Руссы продолжали быть лихими наѣздниками, такъ какъ жили среди приволья степей, гдѣ было изобиліе лошадей.

Такая характерная способность, передававшаяся вѣками изъ рода въ родъ, не могла, разумѣется, изгладиться и тогда, когда Русь переселилась на сѣверъ. По крайней мѣрѣ Готты, заставшіе Руссовъ на берегахъ Балтійскаго моря, производили названіе *Русь* или *Рось* отъ слова *конь* (Rise, Rese, Hrese, Risar, Reses, Ross), откуда: Russ, Reusser, Reuter, Ritter, т. е. конникъ, всадникъ; понятно, что это могло произойти только при условіи, что Руссы дѣйствительно были конниками. Впрочемъ, это подтверждается еще тѣмъ, что слово *князь*, которое служило именованіемъ, дававшимся предводителямъ рода, племени и вообще главѣ, Добровскій и многіе другіе производятъ тоже отъ слова *конь*. Наконецъ, мы знаемъ, что Славяне вообще любили лошадей и онѣ у нихъ считались особенной драгоцѣнностью. У Поморянъ, напримѣръ, въ средніе вѣка, 30 лошадей составляли великое богатство и

всякій хозяинъ коня назывался княземъ—nobilis capitaneus et princeps. [14])

Замѣтимъ тутъ кстати, что *Варяги*, о которыхъ упоминаютъ наши лѣтописи, и которыхъ историки, до послѣднихъ изысканій нашего времени, во что-бы то ни стало хотѣли сдѣлать какимъ-то Нормандскимъ племенемъ, были у нашихъ Славянъ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ тоже *„войсковымъ сословіемъ“*,—но преимущественно пѣшимъ. Такъ Дитмаръ говоритъ, что у Бодричей они были особенно вооруженными стражами, наблюдавшими за цѣлостью товаровъ и каравановъ, такъ какъ извѣстно, что у Бодричей *товаръ* назывался *вара*, а *охранять—гаичь*, или *ветити*. Отсюда охранитель товара назывался *варайгайче*, или *вараветиче*. По кириловски же: *варяю* значитъ разъѣзжаю, а *варягъ*—разъѣзжающій. [15])

Наконецъ, и въ древнихъ шведскихъ законахъ слово *vaerïa* (värja, värna) означаетъ тоже защищать, оборонять, или *varda* —охранять. Отсюда–*Waeringer*—охранитель. [16])

Теперь является только вопросъ, перешло-ли это названіе изъ Скандинавіи къ намъ, или отъ насъ въ Скандинавію?

Такъ какъ Варяги впервые появляются только во время самаго высокаго процвѣтанія *Винеты* (Выжбы), когда торговля на сѣверѣ была еще только исключитель-

---

[14]) см. Карамзинъ. «Истор. Росс. Госуд. I г. 3. стр. 45.

[15]) см. Классенъ. II стр. 4.

[16]) ст. Стрингольмъ. «Походы Викинговъ» часть I, отд. VI, стр. 260.

но въ рукахъ однихъ Славянъ, то мы думаемъ, что Варяги —охранители, сопровождавшіе наши товары къ Норманамъ, могли послѣднимъ послужить примѣромъ для образованія и у себя такихъ служилыхъ людей—Waeringer.

Съ теченіемъ времени это войсковое сословіе Руссовъ приняло обширные размѣры и даже уходило въ чужія страны въ видѣ наемныхъ войскъ, причемъ часть сдѣлалась тоже конницей. Мы знаемъ, напримѣръ, что еще въ 1081 году, Императоръ Алексѣй Комненъ, въ одномъ рѣшительномъ сраженіи съ герцогомъ Апуліи, Робертомъ Гвискардомъ, приказалъ находившимся въ его войскахъ Варягамъ *стѣниться и густымъ строемъ идти въ головѣ войска.*[17])

Основываясь на всемъ вышесказанномъ, нельзя не придти къ заключенію, что конница у Россіянъ существовала съ самой глубокой древности и была отнюдь не малочисленна и отнюдь не скверна, т. е сознать за фактъ то, что совершено противорѣчитъ тому, что высказывалось до сихъ поръ всѣми историками.

Если-же наши лѣтописцы въ періодъ до монгольскаго нашествія упоминаютъ о ней только вскользь и то рѣдко, то это нужно приписать тому, что Русь за это время, за исключеніемъ трехъ, четырехъ случаевъ, не вела ни одной большой войны, а для внутреннихъ походовъ одного князя противъ другого и не нужно было имѣть много войска. Мы видимъ, напримѣръ, что нѣкоторые князья дѣлали походы исключительно съ одной своей

[17]) см. Стрингольмъ I стр. 263.

дружиною. Затѣмъ нужно замѣтить, что большинство походовъ Россіянъ перваго періода нашей исторіи,не исключая даже и такого, какъ Святослава на Дунай и Болгаръ, были, какъ справедливо замѣчаетъ историографъ А. Чертковъ, въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ обыкновенными набѣгами для полученія добычи, такъ какъ въ лѣтописи во всѣхъ почти случаяхъ употребляется краткое выраженіе—*иде*.

«Олегъ *иде* на Сѣверяне, Игорь *иде* въ Дерево въ дань, И *иде* Святославъ на Оку рѣку и на Волгу и лѣзе Вятичи, И *иде* Святославъ на Казары, *иде* Святославъ на Дунай и на Болгары и т. д. [18])

Для такого же рода экспедицій и не требовалось много войска и конницы, напротивъ, чѣмъ ихъ было меньше, тѣмъ отряды были подвижнѣе и менѣе требовали средствъ для выполненія намѣченной задачи.

Слѣдовательно, если наши лѣтописцы и не упоминаютъ часто о конницѣ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что у Россіянъ ее было мало.

Мы видимъ, напримѣръ, что Запорожцы и Донцы дѣлали набѣги и даже дальніе походы въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ всадниковъ; но они въ тоже время могли выставить въ поле и тысячи. Историкъ Соловьевъ только тѣмъ и объясняетъ возможность быстрыхъ походовъ Святослава, что у него была многочисленная и хорошая конница.

---

[18]) см. Чертковъ. «Описаніе войны В. К. Святослава противъ Болгаръ и Грековъ.» стр. 158.

Укоренившемуся въ исторіи мнѣнію, что у древнихъ Руссовъ не было конницы, или, что они были «весьма мало искусны въ конной службѣ», значитъ окончательно нельзя дать вѣры, такъ какъ помимо всего вышеизложеннаго, всѣ славянскія племена, обитавшіяся на югѣ Россіи, а къ нимъ принадлежала и Русь, приходившія съ самой отдаленной эпохи въ постоянныя столкновенія съ различными конными народами, исторгаемыми степями Средней Азіи, должны были невольно и сами сдѣлаться таковыми.

Собственно въ нашихъ лѣтописяхъ, которымъ нельзя дать большой вѣры, такъ какъ онѣ дошли до насъ въ страшно искаженномъ видѣ, благодаря какому-то пресловутому обработчику Кіевскаго свода, который многое выпустилъ и не мало *сшилъ* по личному усмотрѣнію добытый имъ *ово здѣ ово тндѣ* матеріялъ,—конница Руссовъ въ первый разъ упоминается въ походѣ Олега на Царьградъ въ 906 году .Затѣмъ о ней говоритъ Аль-Масуди при описаніи нападенія Руссовъ на Табаристанъ въ 912 — 913 г. Игорь въ походѣ на Грековъ въ 944 г. имѣлъ тоже конницу. А въ 964 году русская конница, какъ наемное войско Грековъ сражалась въ Сициліи, а послѣ въ окрестностяхъ Вавилона. Во время похода Святослава на Болгаръ и Грековъ въ 967—971 г. мы видимъ тоже русскую конницу, которая сражалась не безъ успѣха противъ отличной кавалеріи Византійцевъ и Болгаръ.

Упомянемъ тутъ кстати и о родоначальникахъ Малороссійскихъ и Запорожскихъ козаковъ, т. е. о *Торкахъ*,

которые впервые появляются среди русскихъ ополченій въ походѣ Владиміра на Камскихъ Болгаръ въ 985 году. Этихъ лихихъ всадниковъ многіе изъ историковъ считаютъ Туркменами. Лѣтописецъ Несторъ считаетъ Торковъ, Печенеговъ и Половцевъ одного племени. Другіе лѣтописцы называютъ Торковъ и Берендѣевъ— *Черкасами*; а этихъ послѣднихъ отожествляютъ съ *Бродниками*. Погодинъ говоритъ, что когда русскіе, въ обезпеченіе отъ Половецкихъ набѣговъ, учредили военныя поселенія, сосредоточіемъ которыхъ былъ городъ *Торческъ*, на берегу Торчи, впадающей слѣва въ рѣку Рось (въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи), то кочевавшіе по степямъ Новороссійскимъ остатки различныхъ восточныхъ племенъ, частью смѣшавшись съ Половцами, частью подчинившись Русскимъ, а именно: Торки, Печенѣги, Берендичи, Ковды и Каспичи, извѣстные также подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* (отъ черныхъ папахъ), отсюда вѣроятно и *Кара-колпаки* (черные шапки), которые по собственному ихъ преданію тоже нѣкогда обитали въ южной Россіи [19]) и составили элементъ этой пограничной стражи, которая впослѣдствіи, послѣ нашествія Татаръ, сдѣлалась родоначальникомъ Малороссійскихъ и Запорожскихъ казаковъ. [20])

Мы однако думаемъ, что *Торковъ*, какъ отдѣльнаго племени, совсѣмъ не существовало, а просто это было

---

[19]) см. Рыкова.—«Оренбург. Топографія» I. стр. 173 и 174.

[20]) см. Погодинъ.—«Древняя русская исторія до Монгольскаго ига.» I, стр. 654.

общее прозвище военнаго поселенія по Торчи, вѣдь и теперь говорятъ: Терцы, Кубанцы, Донцы, Уральцы.

Для насъ собственно Торки интересны, какъ новый военно-конный элементъ древне-русской конницы, какъ древняя украйнская вольница Руси, т. е. какъ фактъ, который мы встрѣчаемъ и раньше въ лицѣ: Ulzingures, Bittugores, Bardores, Gelanos и т. д.

Съ наступленіемъ удѣльнаго періода, когда борьба князей и областей превратилась въ одну непрерывную цѣпь боевъ и сраженій, когда братъ возставалъ на брата, сынъ на отца и т. д. русскія ополченія продолжали какъ и раньше состоять преимущественно изъ конницы. Это ясно видно изъ самаго образа формированія ополченій того времени. Наскоро собираемые полки группировались вокругъ княжеской дружины, которая, какъ постоянный кадръ, безспорно служила образцомъ, а такъ какъ она почти всегда состояла исключительно изъ однихъ только всадниковъ, какъ *гелейты* (Geleite, Gefolge) германскихъ *брейровъ* (Breyr) и какъ *клиентели* (clientela, factionis) галлскихъ *principes*, то нужно допустить, что и преобладающимъ элементомъ ополченій удѣльнаго періода была тоже конница; это тѣмъ болѣе подтверждается и самымъ характеромъ военныхъ дѣйствій того времени, базировавшихъ на неожиданности нападенія и быстрыхъ переходахъ, требовавшихъ именно такого рода оружія.

Насколько же русская конница была хороша, даже въ это время тревогъ и неурядицъ, видно изъ описанія нѣкоторыхъ боевъ. Такъ во время дѣйствій Князя Свя-

тослава Черниговскаго противъ Половцевъ въ 1068 году, которые жгли и грабили его области, его превосходная конная дружина, въ 3000 человѣкъ, однимъ стремительнымъ ударомъ опрокидываетъ и наноситъ полное пораженіе 12000 непріятеля, изъ которыхъ еще множество при преслѣдованіи гибнетъ въ рѣкѣ Сновѣ [21])

Затѣмъ, въ войну Давыда Игоревича съ Венграми, въ 1099 году, мы видимъ, что небольшая конная дружина, въ 400 человѣкъ, разбиваетъ своего многочисленнаго противника и преслѣдуетъ его два дня, причемъ самъ король Венгровъ Каломанъ едва спасается отъ смерти, потерявъ около 40000 воиновъ, многихъ бароновъ и тѣлохранителей. Въ венгерскихъ лѣтописяхъ говорится, что уронъ былъ *„чрезмѣрный“* и несчастье *„безпримѣрное“*.[22])

Въ нашихъ лѣтописяхъ этотъ бой описанъ слѣдующимъ образомъ: «И на утро Бонякъ исполчи вои, и бысть Давиду вои 100, а у самаго 300; и раздѣли на три полка и пойде къ Уграмъ и пустп на воропъ (въ атаку) Алтунопу съ 50 чади, а Давида постави подъ стягомъ (въ резервѣ, подъ знаменемъ), а самъ раздѣлися на двѣ части по 50 на сторонѣ (на флангахъ). Угры же исполчишася на заступы (построились уступами, эшалонами) бѣбо Угръ числомъ 100000 и быша нарядни, въ доспѣхахъ, аки води колеблющеся, ибѣ видѣши ихъ страшно. Алтунопа же пригна къ первому заступу и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры; Угры же погнаша по нихъ, яко бѣ-

[21]) см. Карамзинъ. «Исторія» II, гл. IV стр. 43.

[22]) см. Прай. «Anales Regum Hungariae».

жаще минуша Боняка и Бонякъ погнаше сѣка въ тылъ; а Алтунопа възвратяшеться вспять не допустяху Угръ опять, и тако множицею убиваю, сбиша е въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицъ, и побѣгоша Угры, и мнози истопоша въ Вягру, а другіе въ Сану.»

Не принимая въ разсчетъ приведенной численности воиновъ какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ, которая для первыхъ вѣроятно очень уменьшена, а для вторыхъ преувеличена (по сказанію Длугоша, Венгровъ въ этомъ бою было не болѣе 8000 человѣкъ); нельзя не согласиться, что въ двухъ приведенныхъ случаяхъ отлично обрисовывается образъ дѣйствія русской конницы.

Въ первомъ случаѣ мы видимъ неожиданное, но, вѣроятно, предварительно строго и хорошо обдуманное и разсчитанное нападеніе, такъ какъ иначе наврядъ-ли 12000 отличныхъ природныхъ всадниковъ, какими были Половцы, допустили бы себя смять однимъ ударомъ; во второмъ случаѣ—маневрированіе, увлеченіе непріятеля на засаду и затѣмъ дружный ударъ съ тыла, фланговъ и фронта и наконецъ упорное преслѣдованіе опрокинутаго противника. Все это показываетъ, что конница Россіянъ, собираемая подъ стяги только въ моменты необходимости, а слѣдовательно и не подготовленная заранѣе, была безспорно хорошею, а это могло быть только при условіи, что каждый отдѣльный всадникъ былъ отъ природы хорошимъ наѣздникомъ.

Описаніе борьбы Георгія Владиміровича князя Суздальскаго съ Мстиславомъ Храбрымъ Новгородскимъ тоже

подтверждаетъ наше мнѣніе, что конница была въ то время преобладающимъ родомъ оружія.

Когда Мстиславъ предложилъ невыгодный для Суздальцевъ миръ, Георгій собралъ своихъ бояръ и спросилъ у нихъ совѣта. Большинство высказалось за войну, мотивируясь тѣмъ, что «никогда еще враги не выходили цѣлыми изъ сильной земли Суздальской; что жители ея могли бы съ успѣхомъ противоборствовать соединенному войску всѣхъ Россіянъ и *сѣдлами закидаютъ* всѣхъ Новгородцевъ.» [23])

Это выраженіе—*„сѣдлами закидаютъ“* очень характерно и показываетъ, что Суздальскія рати были, если не исключительно, то главнымъ образомъ конницею. Это впрочемъ подтверждается и числомъ убитыхъ въ Липецкомъ бою. Въ Никоновской лѣтописи сказано: «всѣхъ убито Новгородцевъ и Смольнянъ, и Ростовцевъ, и Псковичь, (т. е. у Мстислава) кромѣ пѣшцевъ 550 (по Татищеву 2550), а Великаго князя Юрья и братьи его, *воинства избито* 17200 *кромѣ пѣшцевъ*».

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженіе:*„воинства избито кромѣ пѣшцевъ“*, которое ясно указываетъ, что подъ воинствомъ подразумѣвалась конница, иначе незачѣмъ было его отдѣлять отъ *пѣшцевъ*

Затѣмъ цыфровое показаніе убыли воинства, т. е. конницы и полное молчаніе о убыли пѣшцевъ—пѣхоты, показываетъ, что послѣдняя была въ такомъ пренебре-

---

[23]) см. Карамзинъ. III, глав. IV, стр. 93 и 94.

женіи и такъ мало цѣнилась, что о убыли ее никто и не интересовался, да и не могъ интересоваться—пѣхотинецъ не былъ воиномъ.

Профессоръ А. Пузыревскій, однако, почему-то утверждаетъ противное и ссылается на какой-то «демократическій складъ русскаго общества и отсутствіе рѣзкихъ феодальныхъ сословныхъ различій.»

«Лѣтописецъ сохранилъ любопытный фактъ, говоритъ Полковникъ Пузыревскій, хорошо обнаруживающій ту рѣзкую разницу, которая существовала во взглядѣ на пѣхоту у насъ и въ континентальныхъ государствахъ западной Европы. Тамъ не рѣдко она въ феодальную эпоху служила только *живымъ заборомъ* для утомленныхъ боемъ рыцарей, исполняя свою роль и безпомощно гибла подъ ударами вражескихъ копій и мечей. Совершенно иначе видимъ у насъ. Лѣтописецъ, говоря о походѣ Игоря противъ Половцевъ (въ 1185 г.), замѣчаетъ, что во время отступленія рѣшено было всѣмъ конным спѣшиться съ тою цѣлью, чтобы защищать свою пѣхоту—«черныхъ людей.» [24])

Разницы во взглядахъ на пѣхоту, какъ родъ оружія, мы никакой собственно не видимъ какъ на западѣ, такъ и у насъ она считалась *черными людьми*, жизнь которыхъ ни во что не цѣнилась, такъ какъ мы видимъ, что не находили даже нужнымъ упоминать объ убыли ихъ. Различіе было только въ томъ, что тамъ—на западѣ,

---

[24]) см. А. Пузыревскій. «Исторія Воен. Искус.» I, глав. II, стр. 67.

пѣхота жертвовала собою для спасенія конницы—силы войска, которая знала, что подъ прикрытіемъ этого надежнаго *живого забора* она смѣло могла отдохнуть или отступить; у насъ же конница, не надѣясь и не довѣряя пѣшцамъ, которые наврядъ-ли и дерзнули-бы стать «живымъ заборомъ» была принуждена, не смотря на свое утомленіе, не только прикрывать себя, но и ихъ. Но это послѣднее явленіе нужно, кажется, приписать не «демократическому складу русскаго общества», а просто высоко нравственному, религіозному долгу и христіанской любви къ «братьямъ во Христѣ», чего на Западѣ не замѣчалось въ феодальный періодъ. У насъ прямо полагали, что *„отъ Бога будетъ грѣхъ“*, если оставить на произволъ судьбы *„черныхъ людей“*.

Чтобы настоящее изслѣдованіе было полнѣе, считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о лошадяхъ, бывшихъ въ употребленіи у конницы Руссовъ, такъ какъ сортъ и качества ихъ лучше всего характеризуютъ всадниковъ.

Въ лѣтописяхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ вполнѣ точныхъ указаній на этотъ счетъ, но нужно предположить, что первоначально лучшія лошади получались изъ Персіи, Средней Азіи и изъ Приволжскихъ и Донскихъ степей и должны были быть выносливыми, рѣзвыми и поворотливыми. Затѣмъ брали также коней и изъ Венгріи. «Святославъ емля дань изъ Чеховъ и Угровъ сребромъ и *конями*», говоритъ лѣтописецъ.

Небезъинтересно и извѣстіе, находящееся въ «поученіи Владиміра Мономаха, а именно: *Своими руками въ гус-*

тыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по пѣскольку.» Это крайне интересный фактъ, указывающій намъ, что въ Россіи водились еще въ то время дикія лошади не въ однихъ степяхъ, но и въ лѣсахъ. Жаль только, что нельзя разъяснить о какого рода дикихъ лошадяхъ идетъ тутъ рѣчь. Были-ли это дѣйствительно дикія лошади, прямые выродки *куланов* (equus asinus onager) и *тарпанов* (equus asinus), которыхъ Эккеръ считаетъ типичными представителями тѣхъ дикихъ лошадей, которыя въ глубокой древности жили въ разныхъ мѣстахъ Европы и еще въ доисторическія времена, въ эпоху каменнаго вѣка, были приручены мѣстными жителями [25]), или это были просто одичалыя домашнія лошади (equus caballus domesticus).

Лошадей, бывшихъ въ употребленіи у Россіянъ, лѣтописецъ раздѣляетъ подъ слѣдующими именованіями: *„кони милостные, кони сумные, и кони поводные и товарные.“* [26]) Коней же восточныхъ кровей преимущественно называли *фарами, фарями*, или *скоками* («тогда же Угры на фарѣхъ и на скокахъ играаху»). Многіе предполагаютъ, что первое названіе заимствовано отъ германскаго *fahren*—ѣхать, ѣздить; но мы того мнѣнія, что оно давалось преимущественно Арабскимъ—восточнымъ лошадямъ и было взято вмѣстѣ съ ними изъ Персіи; такъ какъ *фарсъ, ферсъ*, на древне арабскомъ языкѣ значитъ — *лошадь*. Отсюда и названіе нѣкогда богатой

[25]) см. «Le cheval sauvage de l'Europe et ses rapports avec le cheval domestique d'aprés Ecker par M. Vignier.»—Revue Sientifigue № 40 стр. 940—943.

[26]) см. Погодинъ. «Древняя рус. исторія II, стр. 903.

своими табунами провинціи—*Фарзистанъ*. Лангле (Langlés) по крайней мѣрѣ говоритъ: «Les Arabes, ont ainsi nommé cette province á cause de ses haras, du talent de ses habitents pour l'èquitation et de leur goût pour les chevaux. [27])

Не можетъ быть сомнѣнія, что и сами Россіяне занимались въ обширныхъ размѣрахъ коневодствомъ, которое, съ появленіемъ Печенеговъ и Половцевъ, отрѣзавшихъ Русь отъ прямого соприкосновенія съ востокомъ, откуда получались лучшія лошади, должно было еще больше разростись. Лѣтописцы, къ сожалѣнію, ничего объ этомъ не говорятъ. Есть только одно указаніе въ Кіевской лѣтописи, которое до нѣкоторой степени подтверждаетъ наше мнѣніе, а именно, во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Игоремъ Ольговичемъ, говорится: *„И заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахни кобылъ стадныхъ 3000 а коней 1000“*. Ясно, что Игорь и Святославъ занимались коневодствомъ, иначе незачѣмъ было имъ имѣть такое количество лошадей. Наконецъ, въ законахъ Ярослава мы видимъ, что строго запрещалось продавать больныхъ, порченныхъ лошадей—«Кто конь купитъ князь, бояринъ, или купечь, или спрота, а будетъ въ конѣ червь, или проѣсть, а то пройдетъ къ Государю, у кого будетъ купилъ, а тому свое серебро взяти опять взадъ», т. е. за проданную больную лошадь надлежало возвращать деньги.

Этимъ постановленіемъ, какъ намъ кажется, законодатель хотѣлъ не только охранить собственность и пре-

[27]) см. Ernest Breton. XII, стр. 192.

слѣдовать обманъ, но и оградить коневодство, такъ какъ отъ послѣдняго зависѣло благосостояніе и качество конницы.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ такимъ образомъ заключеніе, что *конница существовала всегда у Славянъ и еще задолго до Монгольскаго нашествія была главнымъ родомъ вооруженныхъ силъ Россіянъ.*

Дальнѣйшія изслѣдованія этого вопроса, при болѣе подробномъ изученіи сумрачнаго періода отъ V до IX вѣковъ, безспорно дадутъ богатый матеріалъ, который будетъ связующимъ звѣномъ между Кыянской—Гуннской Русью и Русью Нестора, а слѣдовательно и между конницею Аттилы Мечеславича и конницею Олега. Пока же нужно согласиться, что вкравшаяся въ исторію ошибка, якобы у древнихъ Русскихъ не было конницы и что она еще въ началѣ X вѣка была малоискусна въ наѣздничествѣ, безспорно ни на чемъ не основана, а потому пора ее сдать въ архивъ, какъ и преславутую легенду о призваніи трехъ братьевъ царевичей «изъ-за моря, изъ-за океана» *„володѣть нами“*.

С. А. Гринёвъ.

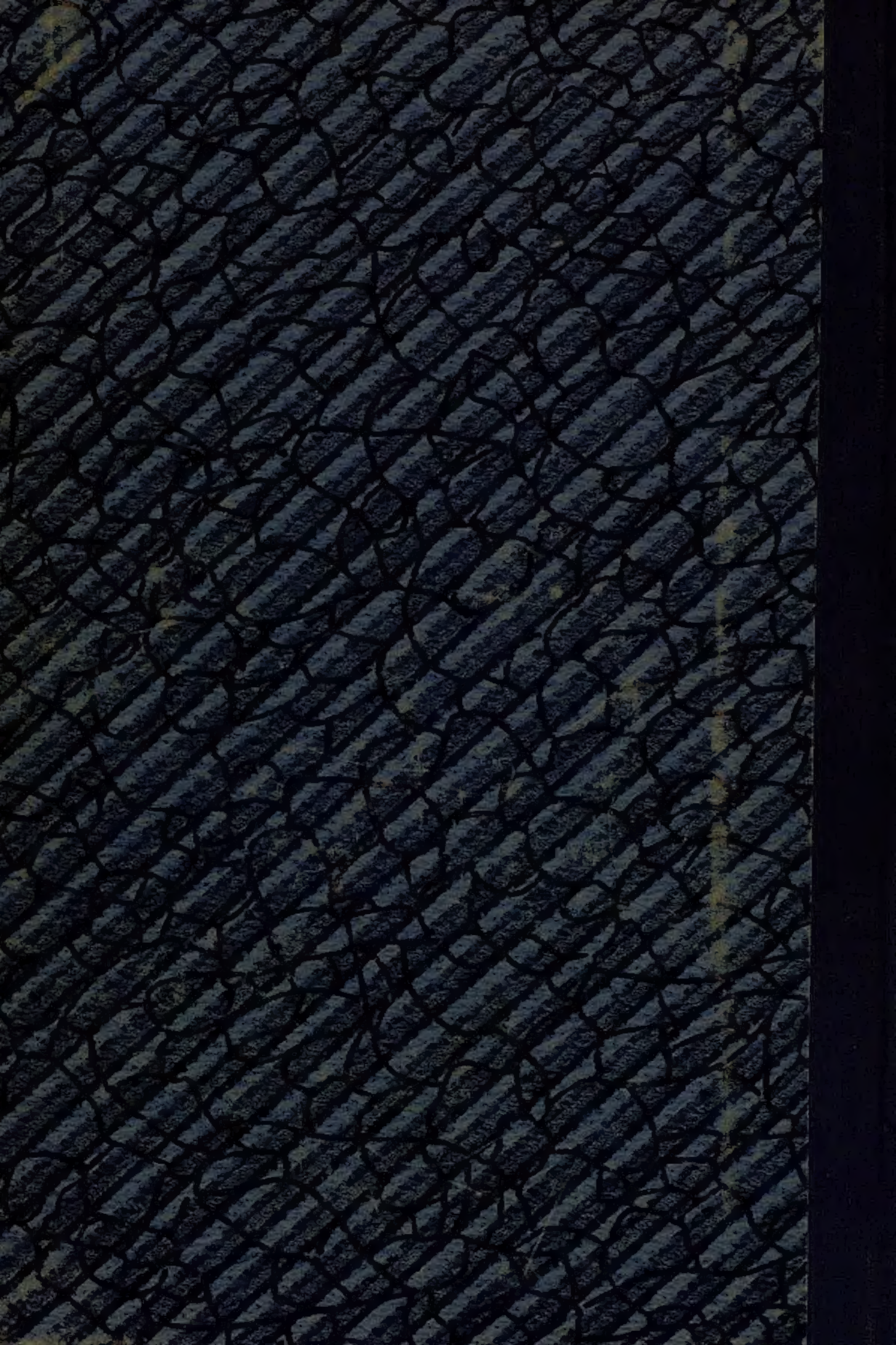
Сочиненія С. А. Гринёва

продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ПОВСТАНЦЫ. Историческій романъ. Цѣна 1 р. 50 к.

СКОБЕЛЕВЪ. ЗА ДУНАЕМЪ. Воспоминаніе. Цѣна 50 к.

ЦѢНА 30 КОП.

РНБ
113

2007044100